

КАРЛОС КАСТАНЕДА

*In order to render those notes readable
and still preserve the dramatic unity of don Juan's teachings,
I have had to edit them, but what I have left is, I believe, immaterial
to the points I want to raise. In the case of my work with don Juan
I have limited my efforts to editing the text, not to acquiring
the basic
He said that, or out
For a more complete description.
For the sake of the best
of his efforts into teaching me, as I held in mind
as the world at hand, the world;
a description that had been pounded into me from
the moment I was born.*

• Искусство Сновидения •

Книга

Карлос Кастанеда
Искусство Сновидения

«София Медиа»

1993

Кастанеда К. С.

Искусство Сновидения / К. С. Кастанеда — «София Медиа»,
1993 — (Книга)

ISBN 978-5-399-00558-4

«Искусство сновидения» – книга прорыв, книга откровение. В ней – полное учение дона Хуана о методе открытия мира Духа при помощи силы снов, превращенных в осознанно контролируемые и управляемые сновидения. Читая эту книгу, ты, как в свое время Карлос Кастанела, узнаешь, почему пути в иные реальности проходят сквозь осознанные сновидения, почему это является основой искусства великих магов и шаманов, как замечательным и опасным древним существам удастся жить среди нас сейчас.

ISBN 978-5-399-00558-4

© Кастанеда К. С., 1993

© София Медиа, 1993

Содержание

От редактора	6
От автора	7
Глава 1. Маги древности (вместо введения)	10
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Карлос Кастанеда

Искусство Сновидения

Carlos Castaneda
The Art of Dreaming

© 1993 by Carlos Castaneda
© ООО Издательство «София», 2020

* * *

От редактора

После шести лет молчания Карлос Кастанеда вернулся к своим читателям с книгой-прорывом, книгой-откровением. Это полное учение дон Хуана о методе открытия мира духа с помощью силы снов, превращенных в осознанно контролируемые и управляемые сновидения.

Настойчивая учеба и практика может помочь нам научиться изменять состояние своего осознания и посещать удивительные миры, сосуществующие с нашим миром.

Карлос Кастанеда – один из величайших путешественников и исследователей этих вселенных *духа*. Миллионы читателей совершили удивительные странствия души, к которым он пригласил их своими книгами об учении великого мага дон Хуана.

После шести лет учебы и медитации Кастанеда написал одну из наиболее выдающихся своих книг – «Искусство сновидения». Из нее вы узнаете, как те, кто вовлечен в духовный поиск, могут пользоваться «четвертыми вратами сновидения» как входом в другие миры.

Читая книгу «Искусство сновидения», вы, как Кастанеда в свое время, узнаете, почему поиск проходящих сквозь контроль осознанных сновидений путей в иные реальности является основой искусства великих магов; как удивительным, а иногда и опасным древним существам удастся жить среди нас сейчас; как метод практики, которому учил Карлоса дон Хуан, позволяет двум и более ученикам участвовать в совместном *сновидении* и даже действовать в нем. Приключения, в которые будет вовлечена ваша психика, – это нечто такое, чего вы еще никогда не испытывали.

Однако больше всего вас захватит сама история жизни этого замечательного человека и его путешествие в мире *духа*, – путешествие, которое могло быть совершено только благодаря описанному Карлосом Кастанедой в его книгах учению дон Хуана.

От автора

В течение последних двадцати лет я написал серию книг о своем обучении у дона Хуана Матуса – мага из мексиканского племени индейцев яки. В своих книгах я рассказывал о том, как он обучал меня магии. Это была магия не в обычном понимании – то есть не в смысле владения сверхъестественными силами либо использования колдовских манипуляций, ритуалов и заклинаний для получения волшебных эффектов. С точки зрения дона Хуана, магия – это способ реализации некоторых теоретических и практических предпосылок, касающихся природы восприятия и его роли в формировании окружающей нас Вселенной.

Следуя пожеланиям дона Хуана, я воздерживался от употребления слова «шаманизм» в качестве названия того рода знания, которому он учил меня, поскольку шаманизм – категория скорее антропологическая. Во всех своих книгах я употреблял слово, которым пользовался сам дон Хуан, – «магия». Однако, несколько разобравшись в том, чему же меня учили, я пришел к заключению, что название «магия» вносит дополнительную неясность в этот и без того достаточно сложный феномен.

Работы по антропологии описывают шаманизм как систему верований, присущую некоторым туземным народам Северной Азии, а также некоторым индейским племенам Северной Америки. Согласно шаманистским трактовкам, наш мир пронизан невидимым миром духовных сил предков. Силы эти бывают как добрыми, так и злыми. Тот, кто владеет практиками шаманов, способен вызывать их и ими управлять, являясь промежуточным звеном между нашей обычной реальностью и сферой сверхъестественных сил.

Дон Хуан действительно был таким связующим звеном между реальностью мира повседневности и невидимым миром, который он называл, однако, не сферой сверхъестественного, а сферой *второго внимания*. Его задача как учителя заключалась в том, чтобы сделать ее доступной и моему восприятию. В предыдущих своих книгах я описал методы обучения, которыми он для этого пользовался, а также те приемы магического искусства, которые он заставлял меня практиковать. Самым важным из них было особое искусство видеть сны, называемое *искусством сновидения*.

Дон Хуан утверждал, что мир, который мы считаем единственным и неизбежно абсолютным, является лишь одним из множества параллельно существующих миров, организованных наподобие того, как располагаются слои в луковице. Он уверял, что все эти сферы иного бытия так же реальны, уникальны и абсолютны, как и наш мир. И мы обладаем способностью в определенной степени внедряться в них, хотя энергетически ограничены возможностью воспринимать только наш мир.

Дон Хуан объяснил мне, что мало одного желания для того, чтобы научиться воспринимать другие миры, – чтобы их «ухватить», необходимо накопить энергию. Другие миры существуют независимо от нашего осознания. Однако вследствие нашей энергетической обусловленности они недоступны для нашего восприятия. Другими словами, исключительно благодаря этой обусловленности мы вынуждены соглашаться с тем, что мир нашей повседневности есть единственный – и единственно возможный мир.

Дон Хуан считал, что энергетическую обусловленность вполне можно исправить. Он утверждал, что в древние времена маги разработали систему практических методов, призванных изменить такую обусловленность нашего восприятия. Этот набор практических методов получил название *искусства сновидения*.

Теперь, по прошествии времени оглядываясь назад, я понимаю, что точнее всего дон Хуан охарактеризовал *искусство сновидения*, назвав его «вратами в бесконечность». Тогда же я заявил, что эта метафора ни о чем мне не говорит.

– Хорошо, не будем пользоваться метафорами, – уступил он. – Скажем так, для магов *искусство сновидения* есть практический способ использовать обычные сны.

– Но как можно использовать обычные сны? – поинтересовался я.

– Слова... – сказал он. – Вечно они вводят нас в заблуждение. Когда мой учитель пытался объяснить мне, что такое *искусство сновидения*, он назвал его магическим способом желать миру спокойной ночи. Конечно, он просто старался подогнать свое описание под характер моей ментальности. То же самое делаю я в твоём случае.

По какому-то другому поводу дон Хуан сказал мне:

– *Сновидение* должно быть пережито на опыте, иначе просто невозможно понять, что же это такое. Просто видеть сны – это не *сновидение*. Дневные мечты и даже самое яркое воображение желаемого – тоже не то. В *сновидении* мы действительно можем воспринимать другие миры, которые мы способны достаточно точно описать. Но мы не сумеем описать то, что позволяет нам их воспринимать, хотя можем почувствовать, как *сновидение* открывает для нас иные реальности. Я бы сказал, что *сновидение* – это восприятие, процесс в теле и осознание в уме.

В ходе общего обучения дон Хуан подробнейшим образом объяснял мне принципы, теоретическое обоснование и практические приемы *искусства сновидения*. Инструкции его разделялись на две части. Первая из них касалась собственно методик, практики сновидения, вторую составляли абстрактные объяснения этих методик. Метод обучения, которым пользовался дон Хуан, был своего рода игрой, построенной на взаимодействии моего интеллектуального любопытства и желания удовлетворить это любопытство практически. Вначале дон Хуан увлек меня изложением абстрактных принципов *сновидения*, а потом предоставил возможность испытать их на практике.

Я уже описывал все это – настолько подробно, насколько мог. Описывал я также и ту особую магическую среду, в которую дон Хуан ввел меня, чтобы обучать своему искусству. Мое пребывание в этой среде представляло для меня особый интерес, поскольку оно полностью принадлежало к сфере *второго внимания*. Именно во *втором внимании* я взаимодействовал с десятью женщинами и пятью мужчинами – членами отряда дон Хуана, а также с его учениками, среди которых было четверо молодых людей и четыре молодые женщины.

Дон Хуан набрал учеников сразу же после того, как я вошел в его мир. Мне он со всей определенностью дал понять, что они образуют традиционную магическую группу, воспроизводящую структуру его собственной партии магов, и что мне предстоит ее возглавить. Однако в ходе работы со мной он понял, что я не совсем таков, каким он меня видел изначально. Отличие он объяснил в терминах энергетической конфигурации, которую могут видеть только маги. Моя энергетическая сфера имела не четыре сектора, как сфера самого дон Хуана и предшествующих ему Нагвалей, а только три. Он ошибался, полагая, что со временем сможет исправить этот дефект. Из-за такой энергетической конфигурации я совершенно не годился на роль лидера других восьми учеников. Причем не годился настолько, что, не видя иного выхода, дон Хуан вынужден был набрать новую группу людей, в большей степени соответствовавших моей энергетической структуре.

Обо всех происходивших тогда событиях я уже писал, и достаточно подробно. Но я ни разу не упомянул о второй группе учеников. Дон Хуан строжайше запрещал мне делать это. Он утверждал, что они находятся всецело в моем пространстве. А согласно договору, заключенному между нами еще в самом начале, мне разрешалось писать только о том, что относилось к пространству дон Хуана.

Вторая группа учеников – вернее, учениц, – бывшая исключительно компактной, состояла всего из трех членов: *сновидящей* Флоринды Грау, *сталкера* Тайши Абеляр и женщины-Нагваля Кэрл Тиггс.

Мы взаимодействовали друг с другом исключительно во *втором внимании*. В мире повседневной жизни мы не имели друг о друге даже самого смутного представления. Что же касается

отношений каждого из нас с доном Хуаном, то здесь все было совершенно ясно: он вкладывал одинаково огромные силы в обучение и практику каждого из нас. Однако ближе к концу, когда время дон Хуана было почти исчерпано, вызванное его предстоящим уходом психологическое давление начало разрушать бывшие до тех пор незыблемыми границы сферы *второго внимания*. В результате наше взаимодействие стало выплескиваться в мир повседневности. И мы впервые – как нам тогда казалось – встретились.

В состоянии обычного осознания ни один из нас не знал о нашем глубоком и напряженном взаимодействии в сфере *второго внимания*. Поскольку все мы в той или иной степени оставались людьми рационального склада ума, мы были потрясены, выяснив, что уже встречались прежде. В интеллектуальном плане этот факт был и конечно же остается непостижимым для нас, хотя мы знали с полной определенностью, что все это ни в коей мере не выходит за пределы нашего практического опыта. Таким образом, мы были оставлены здесь, в этой реальности, наедине с тревожным знанием, что наша психика суть вещь неизмеримо более сложная, чем твердит наш повседневный рассудок или результаты академических научных исследований.

Однажды, когда дон Хуан еще был с нами, мы все одновременно попросили его внести ясность и объяснить, что с нами происходит. Он сказал, что возможны два варианта объяснения. Первый позволяет несколько поддержать нашу пошатнувшуюся рассудочность. Согласно этому варианту, *второе внимание* – это состояние осознания, так же однозначно относящееся к области иллюзий, как и парящие в небесах слоны. Поэтому все, что мы, как нам казалось, испытывали в этом состоянии, было не более чем результатом гипнотической суггестии. Второй вариант – как это понимают маги-сновидящие – энергетическая конфигурация осознания.

Однако в ходе выполнения данных мне заданий по практике *искусства сновидения* барьер *второго внимания* оставался для меня неизменным. Каждый раз, входя в состояние *сновидения*, я вступал и в сферу *второго внимания*. Но когда я просыпался, это вовсе не обязательно означало, что я из нее вышел. Поэтому в течение многих лет мне удавалось вспомнить лишь крупницы опыта, обретенного мною в процессе *сновидения*. Основная же часть того, что я делал, была мне энергетически недоступна. На то, чтобы накопить количество энергии, достаточное для реорганизации содержимого моего ума и восстановления линейной последовательности событий, мне понадобилось пятнадцать лет – с 1973 по 1988 – непрерывной, напряженнейшей работы. В конце концов я вспомнил. Выстроенные в ряд события дополняли друг друга, и мне наконец удалось выстроить в памяти линейную последовательность происходящего. Так я восстановил внутренний порядок и полную последовательность уроков дон Хуана, касавшихся практики *искусства сновидения*. Прежде такое восстановление всей полноты этой последовательности было для меня принципиально неосуществимо, поскольку дон Хуан постоянно заставлял состояние моего осознания колебаться между сферами повседневности и *второго внимания*. Данная работа является результатом этого восстановления.

Теперь я подошел к заключительной части моей вводной статьи, а именно к причинам, побудившим меня вновь взяться за перо и написать эту книгу. Обладая практически полной информацией об *искусстве сновидения*, содержащейся в учении дон Хуана, мне бы хотелось в будущих своих работах коснуться нынешнего состояния и интересов четырех его последних учеников – Флоринды Грау, Тайши Абеляр, Кэрл Тигтс и меня самого. Но прежде, чем взяться за рассказ о результатах нашего обучения под руководством дон Хуана и того влияния, которое он на нас оказал, я считаю необходимым изложить в свете своих новых знаний те разделы учения дон Хуана об *искусстве сновидения*, доступа к которым я ранее не имел.

Решающий же аргумент в пользу написания данной работы был сформулирован Кэрл Тигтс. Она считает, что, рассказывая об оставленном нам в наследство доном Хуаном мире, мы наилучшим образом выражаем свою благодарность ему и преданность его поиску.

Глава 1. Маги древности (вместо введения)

Дон Хуан неоднократно подчеркивал, что все, чему он меня учит, предвидели и разработали люди, которых он называл магами древности. Он ясно давал понять, что между этими магами и магами современности существуют принципиальные различия. К категории магов древности дон Хуан относил людей, возможно живших на территории Мексики за тысячи лет до испанской Конкисты. На основании своих величайших достижений они создали магические структуры, отличавшиеся практичностью и конкретностью применения. Дон Хуан говорил, что эти люди были блестящими практиками, но вот мудрости им не хватало. В противоположность древним, дон Хуан характеризовал магов современности как людей, отличающихся здравым умом и способностью упрощать и совершенствовать магическую практику в тех случаях, когда это, по их мнению, необходимо.

Как объяснил мне дон Хуан, магические предпосылки, на основе которых развилось *искусство сновидения*, были разработаны древними магами на основе их естественного предвидения. Ключевое значение этих предпосылок с точки зрения объяснения и понимания *сновидения* заставляет меня рассмотреть их еще раз. Поэтому, в силу необходимости, основная часть данной книги посвящена пересмотру и углублению понимания информации, уже излагавшейся мною в предыдущих моих работах.

В одном из наших разговоров дон Хуан заявил, что для оценки позиции *сновидящих* и *искусства сновидения* необходимо отдавать себе отчет в том, почему современные маги прилагают максимум усилий для перевода магии от конкретности к *абстрактному*.

– Что ты подразумеваешь под конкретностью, дон Хуан? – спросил я.

– Практическую часть магии, – ответил он. – Навязчивую фиксацию ума на практических методах и приемах, позволяющих влиять на других людей, что, впрочем, не всегда удается. Все это было реальностью магов прошлого.

– А что ты называешь «абстрактным»?

– Поиск свободы – свободы без одержимости, свободы восприятия во всем доступном человеческому существу диапазоне. Я говорю, что маги современности стремятся к *абстрактному* потому, что они стремятся к освобождению. Конкретные достижения их не интересуют. Ибо у них, в отличие от магов древности, нет никаких социальных функций. Ты никогда не встретишь современного мага в роли официального ясновидца или придворного чародея.

– То есть ты хочешь сказать, дон Хуан, что для современных магов прошлое не имеет никакого значения?

– Безусловно, имеет. Но у прошлого есть некий оттенок, который нам совсем не нравится. Лично для меня это – темнота и истощение ума. Мне нравится беспредельность мысли. Однако, независимо от того, что мне нравится, а что – нет, я должен отдать должное магам древности. Ибо они первыми обнаружили все то, что мы знаем и используем сегодня.

Дон Хуан объяснил, что важнейшим из достижений древних магов было обнаруженное ими умение воспринимать энергетическую сущность предметов, существ и явлений. Это глубинное прозрение имело столь существенное значение, что превратилось в основную предпосылку всего магического искусства. В наше время, подчиняя всю жизнь дисциплине и обучению, маги овладевают способностью воспринимать сущность вещей. Способность эту они называют *видением*.

– Какое значение для меня могла бы иметь возможность воспринимать энергетическую суть вещей? – как-то спросил я дона Хуана.

– Это значит, что ты смог бы непосредственно воспринимать энергию, – ответил он. – Отбросив ту часть восприятия, которая связана с социальными интерпретациями, ты сможешь воспринимать внутреннюю сущность чего угодно. Все, что мы воспринимаем, есть энергия. Но

поскольку мы не способны воспринимать ее непосредственно, без интерпретаций, мы обрабатываем результаты восприятия, подгоняя их под определенный шаблон. Этот шаблон и есть социально значимая часть восприятия, которую надлежит выделить и отсеять.

– Почему я должен ее отсеять?

– Затем, что она целенаправленно уменьшает объем потенциально возможного восприятия, заставляя нас быть уверенными в том, что реально существующее ограничено шаблоном, под который мы подгоняем свое восприятие. Я убежден, что для выживания человечества людям необходимо срочно изменить социальную основу своего восприятия.

– Что такое социальная основа восприятия, дон Хуан?

– Физическая определенность, уверенность в том, что мир состоит из отдельных конкретных объектов. Я называю это социальной основой потому, что каждый человек прилагает серьезные усилия, яростно пытаясь удержать свое восприятие мира в общепринятом русле.

– А как же тогда следует воспринимать мир?

– Все есть энергия. Вся Вселенная – это энергия. Должна измениться социальная основа нашего восприятия, само качество физической определенности должно стать иным. Нам следует обрести уверенность – именно физическую уверенность – в том, что не существует ничего, кроме энергии. Необходимо совершить мощное усилие для восприятия энергии как энергии. Тогда обе возможности выбора будут в кончиках наших пальцев.

– Но возможно ли воспитать людей подобным образом? – спросил я.

Дон Хуан ответил, что это возможно. Именно этим он и занимается со мной и другими учениками. Он обучает нас новому способу восприятия, для чего, во-первых, заставляет нас осознать, что мы обрабатываем результаты нашего восприятия, подгоняя их под определенный шаблон, и, во-вторых, усердно подталкивает нас к непосредственному восприятию энергии. Он заверил меня, что этот метод в значительной степени подобен тому, который используется для обучения нас восприятию мира повседневности.

Дон Хуан полагал, что ловушка социального шаблона, в которую поймано наше восприятие, теряет силу и прекращает работать, стоит только нам осознать природу принятого нами шаблона, унаследованного от предков без малейших попыток критически его исследовать.

– Не важно, положительным или отрицательным было значение восприятия Вселенной как мира конкретных плотных объектов, но нашим предкам этот режим восприятия был жизненно необходим, – говорил он. – В течение множества веков мы воспринимали мир именно таким, и теперь в результате вынуждены верить, что именно таковым он и является – миром, состоящим из обособленных конкретных предметов.

– Я не могу представить себе мир другим, дон Хуан, – пожаловался я. – Для меня он, вне всякого сомнения, – мир конкретных плотных объектов. Тем более что доказать это ничего не стоит – достаточно один раз врезаться лбом в какой-нибудь из них.

– Ну разумеется, мир вполне предметен. Мы против этого и не возражаем.

– О чем же тогда ты говоришь?

– О том, что в первую очередь мир является миром энергии, и лишь потом – миром объектов. Однако если мы не начнем с предпосылки, гласящей, что мир – это энергия, мы никогда не обречем способности непосредственного восприятия энергии. Нас неизменно будет останавливать отмеченная только что тобою физическая очевидность «плотности» объектов.

Аргументы эти были для меня совершенно загадочными. В то время мой разум просто отказывался принимать к рассмотрению какие бы то ни было пути понимания мира, кроме традиционно привычного. Утверждения дон Хуана и установки, которые он пытался развить, выглядели в моих глазах неким подобием диковинных теорем, которые я не мог ни принять, ни отвергнуть.

– Наш способ восприятия – это способ, свойственный хищнику, – однажды сказал мне дон Хуан. – Очень эффективный метод оценки и классификации добычи и степени опасно-

сти. Но это не единственный доступный нам способ воспринимать. Существует другой тип восприятия, с которым я и пытаюсь тебя познакомить, – восприятие сущности всего, прямое восприятие энергии.

Такое восприятие позволит нам совершенно по-новому понять, классифицировать и описать мир. И это новое описание будет гораздо более захватывающим, чем привычное нам сейчас, а его язык – несравнимо изощреннее и богаче.

Тот более изощренный и богатый язык, о котором шла речь, был языком магических истин, унаследованным доном Хуаном от его предшественников. Термины и понятия, присущие этому языку, не имеют под собой никакого рационального обоснования и никак не соотносятся с привычными фактами мира нашей повседневности, но являются самодостаточными истинами, совершенно очевидными для магов, способных непосредственно воспринимать энергию и *видеть* внутреннюю суть всего.

Самым значительным магическим действием для этих магов является непосредственное восприятие сущности Вселенной. Дон Хуан считал, что наилучшим образом ее описали те маги древности, которые первыми ее *увидели*. Они говорили, что сущность Вселенной напоминает светящиеся нити, протянувшиеся во всех мыслимых и немыслимых направлениях из бесконечности в бесконечность, – светящиеся волокна, обладающие собственным, непостижимым для человеческого ума самосознанием.

После того как древние видящие *увидели* сущность Вселенной, они научились *видеть* энергетическую сущность человеческих существ. Дон Хуан говорил, что они описали человеческие существа как яркие образования, формой напоминавшие гигантские яйца. Эти образования называли *светящимися коконами*.

– Когда маг *видит* человеческое существо, – продолжал дон Хуан, – он видит гигантское светящееся образование, которое при перемещении оставляет глубокую борозду в энергетическом поле Земли. Оно как бы плывет, волоча за собой наподобие хвоста вспахивающий землю стержневидный корень.

Дон Хуан полагал, что наша энергетическая форма изменяется с течением времени. Он говорил, что любой *видящий*, в том числе и он сам, гораздо чаще *видит* людей не в форме яиц, а в форме шаров, а иногда – даже в форме чего-то прямоугольного, подобного надгробной плите. Но иногда, по неизвестным для магов причинам, им попадают люди, чью форму они *видят* как яйцо. Дон Хуан предполагал, что люди, обладающие в наше время яйцеобразной формой, больше соответствуют по своей структуре людям древности.

В ходе изложения своего учения дон Хуан неоднократно повторял и разъяснял то, что он считал решающей находкой, сделанной магами древности. Он называл это критической характеристикой человеческого существа как светящегося шара и описывал в виде круглого пятна особо интенсивной светимости размером с теннисный мячик, постоянно располагающегося внутри светящегося шара вровень с его поверхностью на расстоянии двух футов позади правой лопаточной кости тела человека.

Поскольку поначалу у меня были проблемы с визуализацией всего этого, дон Хуан объяснил, что светящийся шар гораздо больше человеческого тела и что пятно интенсивной светимости является частью этого энергетического шара. Располагается это пятно на уровне лопаток на расстоянии вытянутой руки от спины человека. Дон Хуан сообщил мне, что, *увидев*, как работает это пятно, древние маги называли его «точкой сборки».

– И как работает эта *точка сборки*? – поинтересовался я.

– Она обуславливает наше восприятие, – ответил дон Хуан. – Древние маги *видели*, что именно там, в этой точке, собирается восприятие человеческих существ. *Увидев*, что подобным пятном светимости повышенной интенсивности обладает любое живое существо, древние маги пришли к заключению, что любое восприятие, каким бы оно ни было, формируется как раз в этом месте.

– Что именно из того, что *видели* маги древности, привело их к заключению, что восприятие имеет место в *точке сборки*? – спросил я.

Он ответил, что, во-первых, они *увидели*, что непосредственно через *точку сборки* проходят лишь очень немногие из миллионов светящихся нитей Вселенной. Это и не удивительно, ведь размер *точки сборки* относительно мал по сравнению с целым.

Во-вторых, они *увидели*, что *точка сборки* всегда окружена дополнительным сиянием сферической формы, немного превышающим ее размеры. Это сияние значительно усиливает свечение нитей, непосредственно через него проходящих.

И наконец, они *увидели* еще две вещи. Первое – *точки сборки* человеческих существ могут изменять свое положение. И второе – когда *точка сборки* находится в привычном положении, восприятие и осознание человека производят впечатление нормальных, судя по нормальному поведению субъектов, за которыми проводились наблюдения. При смещении же *точки сборки* и окружающего ее сияния с привычного места поведение наблюдаемых субъектов становилось странно необычным, что могло быть доказательством наличия изменений в их осознании, равно как и некоторой трансформации их способа восприятия.

Вывод, который древние маги сделали на основании этих наблюдений, был следующим: чем больше *точка сборки* сдвигается из своего обычного положения, тем более странным становится поведение индивида, что, очевидно, следует из необычности осознания и восприятия.

– Обрати внимание, – предупредил меня дон Хуан, – когда я говорю о *видении*, то всегда пользуюсь фразами типа «похоже на то, что», «кажется», «возможно». Дело в том, что результаты *видения* настолько уникальны и специфичны, что говорить о них можно, только сопоставляя их с чем-то уже нам известным.

Он сказал, что наиболее подходящим примером сложности описания *увиденного* может служить то, как маги говорят о *точке сборки* и окружающем ее сиянии. Их описывают как зоны светимости повышенной яркости, хотя «яркость» тут ни при чем, ведь *видение* осуществляется не при помощи глаз. Однако, чтобы как-то подчеркнуть отличие этих образований от всего остального, говорят, что *точка сборки* есть световое пятно, окруженное чем-то вроде гало, неким сиянием. Как подчеркнул дон Хуан, мы настолько скованы привычкой к преимущественно визуальному «восприятию хищника», что вынуждены интерпретировать все в терминах нормального визуального восприятия, свойственного хищнику, который смотрит глазами.

Дон Хуан рассказал, что после того, как древние маги *увидели точку сборки* с окружающим ее сиянием и составили представление о ее вероятной функции, они приступили к разработке объяснения. Они предположили, что, фокусируя сферическое сияние на энергетических нитях Вселенной, непосредственно сквозь это сияние проходящих, *точка сборки* человеческих существ автоматически, без какого бы то ни было предварительно осознанного намерения, собирает эти нити, или волокна, формируя из них устойчивую картину воспринимаемого мира.

– Но каким образом волокна, о которых ты говоришь, могут быть собраны в устойчивую картину воспринимаемого мира? – спросил я.

– Этого не может знать никто, – ответил дон Хуан. – Маги *видят* движение энергии. Но этого недостаточно, чтобы сказать, как и почему это происходит.

Дон Хуан утверждал, что, *увидев* миллионы сознательных энергетических волокон, проходящих через *точку сборки*, древние маги сформулировали постулат, гласивший: проходя сквозь *точку сборки*, волокна под действием окружающего ее сияния собираются в пучок. *Увидев*, насколько сильно меркнет это сияние у людей, находящихся без сознания или при смерти, и как оно полностью исчезает у мертвецов, древние маги пришли к убеждению, что это сияние и есть свечение осознания.

– Имеется ли *точка сборки* у трупа? – поинтересовался я.

Дон Хуан ответил, что у мертвого существа *точка сборки* бесследно исчезает, поскольку именно она вместе с окружающим ее сиянием является основным признаком жизни и наличия

осознания. На основании своих наблюдений маги древности пришли к неизбежному выводу: осознание и восприятие неразрывно связаны друг с другом, с *точкой сборки* и окружающим ее сиянием.

– Существует ли возможность, что древние маги ошиблись, когда пытались разобраться в том, что *видели*? – спросил я.

– Я не могу объяснить тебе, как это происходит, но маг никогда не ошибается, интерпретируя то, что *видит*, – ответил дон Хуан тоном, не допускающим возражений. – Выводы, к которым древние маги пришли в свое время, могут оказаться неправильными сейчас, но лишь потому, что они давали свои интерпретации, будучи наивными и не имея подготовки, соответствующей нынешнему уровню понимания. Чтобы избежать подобных ошибок, маг, если он намерен заниматься интерпретациями, должен постоянно оттачивать свой ум.

Затем дон Хуан несколько мягче заметил, что, безусловно, для мага гораздо менее опасно оставаться на уровне простого описания *увиденного*, но побуждение обобщать, интерпретировать, делать выводы и объяснять – пусть хотя бы самому себе – чересчур сильно, чтобы ему можно было противиться.

Еще одним объектом, который маги древних времен принялись изучать с помощью *видения*, стало воздействие смещения *точки сборки* на энергетическую конфигурацию существ. Дон Хуан объяснил, что при смещении *точки сборки* в новое положение в этом месте формируется новый конгломерат светящихся энергетических волокон. Увидев это, маги древности пришли к выводу, что восприятие автоматически собирается там, где находится *точка сборки*, поскольку она всегда окружена свечением осознания. Однако вследствие того, что сборка осуществляется на новом месте и задействует новые волокна, собранный мир не может не отличаться от привычного нам повседневного мира.

Дон Хуан объяснил, что древние маги различали два типа смещения *точки сборки*. Первый тип – смещение в любое положение по поверхности светящегося шара или внутрь него. Такое смещение получило название «сдвига» *точки сборки*. Второй тип – смещение *точки сборки* наружу, за пределы светящегося шара. Это было названо «движением» *точки сборки*. Маги древних времен обнаружили, что различием между *сдвигом* и *движением* определяется природа восприятия, формирующегося в результате такого смещения.

Поскольку *сдвиг точки сборки* является ее смещением в пределах светящегося шара, воспринимаемые вследствие этого миры, какими бы странно причудливыми они ни казались, принадлежат к человеческой сфере. Человеческая сфера составлена энергетическими волокнами, проходящими сквозь светящийся шар. В противоположность *сдвигу*, *движение точки сборки* является перемещением ее в положение вне светящегося шара, в результате чего задействуются волокна, не относящиеся к сфере человеческого. Восприятие этих волокон вызывает к жизни немислимые, непостижимые миры, в которых нет никаких следов чего бы то ни было, свойственного человеку.

В то время проблема получения подтверждений имела для моего разума огромное значение. Поэтому как-то по случаю я заявил:

– Ты меня прости, дон Хуан, однако все, что связано с *точкой сборки*, кажется мне настолько притянутым за уши, настолько неприятным, что я просто не знаю, что мне делать с этим и что об этом думать.

– Сделать ты можешь только одно – *увидеть точку сборки!* – парировал он. – *Видеть* не так уж сложно. Основная сложность состоит в том, чтобы пробить стену, которая сдерживает нас и не дает сдвинуться с места. Эта стена существует в разуме каждого из нас. А чтобы ее разрушить, все, что нам необходимо, – это энергия. Как только мы накапливаем достаточное количество энергии, *видение* приходит само по себе. Просто случается так, что мы начинаем *видеть*. Весь фокус в том, чтобы выбраться из крепости удовлетворенности собой и ложного чувства безопасности.

– Дон Хуан, я вполне отдаю себе отчет в том, какой огромный объем знаний необходим для того, чтобы *видеть*. Это не просто вопрос наличия энергии.

– Это и *есть* вопрос наличия энергии. Самое сложное – убедить себя в том, что это возможно. А для этого необходимо верить Нагвалю. Магия тем и чудесна, что каждый маг должен доказать все самому себе на собственном опыте. И я рассказал тебе о принципах магического искусства отнюдь не с надеждой на то, что ты все это запомнишь. Я рассчитываю на практическое применение тобой этих принципов.

Говоря о необходимости верить Нагвалю, дон Хуан, несомненно, был прав. На начальных стадиях моей тринадцатилетней работы с ним мне труднее всего было принять его мир и его самого как личность. Ибо это предполагало безраздельную веру и безоговорочное принятие его как Нагваля.

Роль дона Хуана в магическом мире в полной мере описывалась его статусом среди таких же магов, как он. Они звали его «Нагвалем». Мне в свое время объяснили, что этим понятием обозначается человек – мужчина или женщина, – обладающий энергетической конфигурацией особого типа, которую *видящий* воспринимает как двойной светящийся шар. *Видящие* считают, что, когда такой человек вступает в магический мир, его избыточная энергия превращается в мерило силы и способности к лидерству. *Нагваль*, таким образом, является естественным лидером, его призвание – возглавить группу магов.

Поначалу мысль о таком доверии к дону Хуану выводила меня из равновесия и казалась противоестественной. Когда я сообщил ему об этом, он успокоил меня, сказав, что для него проблема доверия к учителю стояла не менее остро.

– Как-то я сказал своему учителю в точности то же самое, что ты мне, – сказал дон Хуан. – Он ответил, что без веры в Нагваля не может быть избавления от всего того, чем захламлена наша жизнь, и потому не может быть освобождения. Без сомнения, он был прав.

Я еще раз выразил свое принципиальное несогласие. Я рассказал ему, что меня воспитывали в гнетущей обстановке религиозного фанатизма и что это очень плохо на мне отразилось. Его же утверждение, равно как и утверждения его учителя, напоминали мне о догматах смирения и покорности, которыми я был сыт по горло с детства.

– Твои слова о Нагвале звучат как догмат символа веры, – сказал я ему.

– Ты можешь верить во что угодно, – возразил он. – Но факт остается фактом: нет игры без Нагваля. Я это знаю, и я это говорю тебе, так же, как и все Нагвали до меня. Но, как и я, они говорили это вовсе не из чувства собственной важности. И когда ты слышишь утверждение, что без Нагваля не может быть пути, подразумевается лишь одно: Нагваль – человек особый, ибо он лучше кого бы то ни было способен отражать *абстрактное*, *дух*. Но и только. Все мы связаны с *духом* напрямую, и лишь опосредованно – с человеком, который приносит нам послание *духа*.

Я научился безоговорочно доверять дону Хуану как Нагвалю. Как он и говорил, это принесло мне чувство огромного облегчения и способность принять все то, чему он меня учил.

При изложении своего учения дон Хуан уделял особое внимание всему, что было связано с *точкой сборки*. Однажды я спросил у него, имеет ли *точка сборки* какое-либо отношение к физическому телу.

– К тому, что мы обычно воспринимаем в качестве человеческого тела, *точка сборки* отношения не имеет, – ответил он. – *Точка сборки* является частью светящегося яйца – нашей энергетической сущности.

– За счет чего она смещается? – спросил я.

– За счет воздействия потоков энергии. Их генерируют энергетические всплески внутри или вне нашей энергетической формы. Как правило, формирование потоков непредсказуемо и происходит по случайным законам. Однако маги не только предвидят характер и поведение энергетических потоков, но и подчиняют их своему *намерению*.

– А ты сам ощущаешь эти потоки?

– Их ощущает каждый маг. Их чувствует и любое человеческое существо, но обычные люди слишком заняты своими повседневными делами, чтобы обращать внимание на подобные ощущения.

– На что похоже ощущение энергетического потока?

– Легкий дискомфорт, мимолетная печаль, которая немедленно сменяется эйфорией. Поскольку ни печаль, ни эйфория не имеют объяснимой причины, мы обычно не склонны относиться к ним как к достоверному признаку того, что на нас накатывается неизвестное. Мы списываем это на счет необъяснимых и в общем-то не слишком здоровых колебаний настроения.

– Что происходит, когда *точка сборки* сдвигается за пределы энергетической формы? Она зависает снаружи? Или как-то прикрепляется к светящемуся шару?

– Она вытягивает контур светящегося шара вовне, не разрывая его энергетических границ.

Дон Хуан объяснил, что конечным результатом движения *точки сборки* является полное изменение энергетической формы человеческого существа. Вместо того чтобы оставаться яйцом или шаром, она трансформируется в нечто, напоминающее по виду курительную трубку. Конец мундштука – это *точка сборки*, чашечка – то, что осталось от светящегося шара. Если *точка сборки* продолжает движение, то в конце концов наступает момент, когда светящийся шар превращается в тонкую полоску энергии.

Далее дон Хуан объяснил, что трансформация энергетической формы – это достижение, на которое были способны только маги древности. Я поинтересовался, оставались ли эти люди по-прежнему людьми после того, как их энергетическая форма изменялась.

– Конечно же, они по-прежнему оставались людьми, – ответил дон Хуан. – Но, я думаю, ты хотел бы знать, оставались ли они людьми здравого смысла, которым можно было бы доверять. На этот вопрос я бы ответил: нет, не совсем.

– Чем они отличались?

– Своими побуждениями. Нормальные человеческие цели, склонности и мотивы равным счетом ничего для них не значили. Кроме того, их внешность тоже определенным образом изменялась.

– Ты имеешь в виду, что они становились монстрами?

– Об этих магах очень сложно сказать что-либо навверное. Выглядели они, безусловно, как люди. На кого еще они могли быть похожи? Но в то же время они отличались от того обычного человеческого образа, который ты или я себе представляем. Но если бы ты попросил меня описать, чем именно они отличались, я не смог бы этого сделать и ходил бы кругами, как собака, которая пытается ухватить себя за хвост.

– Тебе самому приходилось с кем-нибудь из них встречаться, дон Хуан?

– Да, с одним приходилось.

– Как он выглядел?

– На первый взгляд – обычный человек. Необычным было его поведение.

– Что именно в нем было необычным?

– Могу только сказать, что его поведение было совершенно невообразимым, но не в смысле манеры себя вести. Чтобы оценить это, нужно увидеть самому.

– И что, все те маги были похожи на того, которого ты встречал?

– Нет, конечно. Я не знаю, какими были другие. Разве что по магическим историям, передающимся из поколения в поколение. А в этих историях они предстают в очень причудливом виде.

– Чудовищном?

– Да нет. Говорят, что они были даже привлекательны, хотя иногда и страшноваты. Они были похожи на неких неведомых существ. Все мы – светящиеся шары, и это делает челове-

ство однородным. А те маги не были более шарами, но стали полосами энергии. Они пытались сворачиваться в кольца, но это им не вполне удавалось.

– И что же с ними в конце концов случилось, дон Хуан? Они вымерли?

– В магических историях говорится, что, поскольку им удалось растянуть свою энергетическую форму, продолжительность существования их сознания также растянулась. Так что они живы и по сей день находятся в сознании. Даже ходят рассказы о том, как они периодически объявляются на земле среди людей.

– А сам ты что об этом думаешь, дон Хуан?

– Для меня это чересчур эксцентрично. Меня интересует свобода. Свобода раствориться в бесконечности, сохранив осознание. С моей точки зрения, эти древние маги были существами экстравагантными, одержимыми и капризными. Они попались на удочку своих же собственных манипуляций.

Но не позволяй моему личному мнению сбить тебя с толку. Ибо нет ничего, что сравнялось бы с достижениями магов древних времен. По крайней мере, они доказали, что потенциальные возможности человека более чем достойны серьезного отношения.

Еще одной темой объяснений дон Хуана была необходимость энергетической согласованности и внутренней связи для адекватности восприятия. Он утверждал, что человечество воспринимает известный нам мир в том виде, в каком мы его воспринимаем, только благодаря тому, что все мы обладаем одинаковыми характеристиками энергетической согласованности и внутренней связи. Мы автоматически обретаем соответствующие энергетические характеристики в процессе воспитания и относимся к ним как к чему-то само собой разумеющемуся. И мы не отдаем себе отчета в жизненной важности их значения до тех пор, пока не сталкиваемся с возможностью восприятия миров, отличных от того, который нам известен. Но когда это происходит, мы со всей очевидностью осознаем, что для адекватности и полноты восприятия новой реальности нам требуются новые характеристики энергетической согласованности и внутренней связи.

Я спросил, что такое согласованность и внутренняя связь. Он ответил, что под согласованностью понимается однородность формы – все человеческие существа на земле обладают формой шара или яйца. А тот факт, что человеческая форма сохраняет компоновку шара или яйца, говорит о наличии у человеческого энергетического поля определенной внутренней связи. Примером формирования нового типа энергетической согласованности и внутренней связи может служить трансформация энергетической формы древних магов. Новые характеристики согласованности обусловили их превращение в полосы: все они как один сделались полосами. А новые характеристики внутренней связи позволяют им сохранять новую форму, оставаясь полосами. Сочетание же новых характеристик согласованности и внутренней связи на уровне энергетической полосы позволяет древним магам воспринимать новый непрерывный мир.

– Каким образом приобретаются соответствующие характеристики согласованности и внутренней связи? – спросил я.

– Ключом является положение *точки сборки*, вернее, ее фиксация, – ответил дон Хуан.

В тот раз он не захотел вдаваться в детали. Поэтому я спросил, могут ли древние маги восстановить себя в форме яйца. Дон Хуан ответил, что был момент, когда они могли это сделать, но не захотели. А затем линейная внутренняя связь закрепилась, и возвращение стало невозможным. Но дон Хуан полагал, что окончательная кристаллизация линейной структуры внутренней связи и невозможность возвращения были обусловлены их выбором, продиктованным жадностью. Дело в том, что объем восприятия и возможностей этих магов был в астрономическое число раз более обширным, чем объем восприятия любого обычного мага, не говоря уже об обычном человеке.

Дон Хуан объяснил, что для существа шарообразной энергетической формы сферой человеческого является весь объем в пределах границы шара, сквозь который проходят энергетические волокна. В нормальном состоянии мы воспринимаем не всю сферу человеческого, но, наверное, не более одной тысячной ее общего объема. С учетом этого факта очевидным становится невероятный масштаб достижения древних магов, умудрившихся растянуть себя в полосу, захватывающую в тысячи раз больше волокон, чем шар, и при этом научившихся воспринимать все проходящие сквозь них волокна.

По настоянию дон Хуана я изо всех сил старался понять новую для меня модель энергетической конфигурации. Он втолковывал мне ее снова и снова, и наконец я кое-как справился с идеей энергетических волокон, существующих внутри и вне светящегося шара. Но как только я начинал представлять себе множество светящихся шаров, модель мгновенно разваливалась в моем уме. Я рассуждал так: те волокна, которые являются внешними для одного светящегося шара, частично окажутся внутренними для другого шара, смежного с первым. Получалось, что при достаточно большом количестве шаров внешних волокон вообще не может быть, ибо все они окажутся внутри соприкасающихся друг с другом шаров.

– Понимание всего этого не является упражнением для разума, – сказал дон Хуан, внимательно выслушав мои доводы. – Вряд ли я смогу объяснить, что именно имеют в виду маги, говоря о волокнах внутри и вне человеческой формы. Когда *видящий видит* человеческую форму, он *видит* один-единственный шар энергии. Твое представление относительно множества шаров продиктовано привычкой воспринимать людей как толпу. Но в энергетической вселенной толп не существует. Там есть только отдельные индивидуумы, одинокие, окруженные безграничностью. Ты должен увидеть все это сам.

Я возразил, что с его стороны нечестно говорить мне о самостоятельном *видении*, поскольку он знает, что я на это не способен. В ответ он предложил мне одолжить у него немного энергии и воспользоваться ею для того, чтобы *увидеть*.

– Как я могу сделать это – одолжить у тебя энергию?

– Очень просто. Я могу заставить твою *точку сборки* сдвинуться в новое положение, более подходящее для непосредственного восприятия энергии.

Это был первый на моей памяти случай, когда он намеренно заговорил о том, что все время делал: вводил меня в некоторое непостижимое состояние осознания, которое он называл *вторым вниманием* и которое бросало вызов всем моим понятиям о мире и о самом себе. Итак, чтобы заставить мою *точку сборки* сдвинуться в более подходящее для непосредственного восприятия энергии положение, дон Хуан хлопнул меня по спине между лопаток с такой силой, что у меня перехватило дыхание. Мне показалось, что я либо провалился в беспамятство, либо заснул. Вдруг я обнаружил, что смотрю, или мне снится, будто я смотрю, на что-то в буквальном смысле неопишное. Это нечто распространялось во все стороны бесконечно. Оно было образовано чем-то, что напоминало световые струны, но не было похоже ни на что, когда-либо мною виденное или даже воображаемое.

Когда я вновь обрел дыхание, а может быть – проснулся, дон Хуан, выжидательно посмотрев на меня, спросил:

– Что ты *видел*?

Я совершенно искренне ответил:

– Твой удар заставил меня увидеть звезды.

Услышав это, дон Хуан согнулся пополам от хохота.

Потом он отметил, что я просто еще не готов справиться с восприятием необычных вещей.

– Я заставил твою *точку сборки* сдвинуться, – продолжал дон Хуан, – и в течение мгновения ты *сновидел* энергетические волокна Вселенной. Но тебе пока не хватает то ли дисциплины, то ли энергии на реорганизацию характеристик согласованности и внутренней связи.

Древние маги были непревзойденными мастерами такой реорганизации. Именно за счет этого им удавалось *видеть* все, что только вообще способен *увидеть* человек.

– Что значит «реорганизовать характеристики согласованности и внутренней связи»?

– Это значит – войти в состояние *второго внимания*, удерживая *точку сборки* в новом положении и не давая ей сдвинуться в исходное.

Затем дон Хуан остановился на традиционном определении *второго внимания*. Он сказал, что *вторым вниманием* древние маги называли результат фиксации *точки сборки* в новом положении. Они рассматривали *второе внимание* как полноценную сферу деятельности, подобную обычному повседневному вниманию. Дон Хуан подчеркнул, что маги действительно обладают двумя полноценными сферами деятельности. Одна из них – небольшая – называется *первым вниманием*, осознанием мира повседневности, или фиксацией *точки сборки* в привычном положении. Вторая сфера деятельности гораздо больше первой. Это – *второе внимание*, осознание иных миров, или фиксация *точки сборки* в огромном множестве всех возможных положений.

Применяя то, что он называл магическим маневром, дон Хуан помогал мне переживать совершенно невероятные состояния. Маневр заключался в том, что он либо слегка похлопывал, либо сильно ударял меня по спине на уровне лопаток. Как он объяснял, эти удары смещали мою *точку сборки*. Для меня такие смещения означали переход осознания в беспокоящее состояние ни с чем не сравнимой ясности – состояние сверхсознания, продолжавшееся недолго, но позволявшее мне постигать все что угодно с минимальными усилиями и минимальной подготовкой. Восприятие мое в этом состоянии по большей части напоминало странные сны, необыкновенно интенсивные по сравнению с нормальным состоянием осознания.

Дон Хуан оправдывал неизбежность такого маневра тем, что основные понятия и базовые методы маг может изложить своему ученику, только когда тот находится в нормальном состоянии сознания, но чтобы ученик мог усвоить абстрактные объяснения, маг вынужден переводить его в состояние *второго внимания*.

Обычно ученик совершенно не помнит объяснений, полученных им во *втором внимании*. Но они, тем не менее, накапливаются где-то в его памяти и там хранятся в неизменном виде. Маги научились использовать это кажущееся странным свойство памяти, превратив процесс восстановления в сознательной памяти того, что происходило с ними во *втором внимании*, в одну из самых сложных и трудновыполнимых традиционных задач магии.

Это кажущееся странным свойство памяти, а также трудновыполнимость задачи *вспоминания* маги объясняют следующим образом. Каждый раз, когда человек входит во *второе внимание*, его *точка сборки* оказывается в новом положении, до этого ей незнакомом. *Вспомнить* – значит повторно сдвинуть *точку сборки* в то место, где она была во время пребывания человека во *втором внимании*. Дон Хуан заверил меня, что маги могут не только полностью восстановить все содержимое памяти, но также оживить любое переживание, когда-либо испытанное ими во *втором внимании*. Для этого они намеренно сдвигают *точку сборки* в нужные положения. И еще дон Хуан говорил, что на выполнение задачи восстановления содержимого памяти у магов уходит вся жизнь.

Когда я находился во *втором внимании*, дон Хуан давал мне подробнейшие объяснения относительно искусства магии. Он знал, что точность и корректность этих объяснений останутся со мной на всю жизнь, вероятнее всего, в нетронutom виде.

По поводу вероятности их сохранения дон Хуан говорил:

– Восприятие человека, находящегося во *втором внимании*, подобно восприятию ребенка. Поэтому то, что мы узнаем, остается с нами на всю жизнь. «Привычка – вторая натура» – как мы говорим о чем-то, усвоенном в раннем возрасте.

С позиций своего нынешнего знания я понимаю, что дон Хуан заставлял меня входить в состояние *второго внимания* так часто, как только мог, и на возможно более продолжительное

время для того, чтобы подольше поддержать мою *точку сборки* в возможно большем количестве разных положений и научить меня адекватному восприятию при сдвинутой *точке сборки*. Другими словами, его целью было заставить меня реорганизовать свою согласованность и внутреннюю связь.

Бесчисленное количество раз я воспринимал все так же точно и ясно, как я воспринимаю мир повседневности в обычном состоянии осознания. Проблемой для меня было возведение моста между моими действиями во *втором внимании* и моим обычным осознанием. Чтобы понять, что же такое есть *второе внимание*, мне понадобилось потратить массу времени и сил. И не столь вследствие сложности и замысловатости *второго внимания*, которые сами по себе весьма усложняли ситуацию, сколько потому, что мне было до невозможности трудно вспомнить не только то, как я входил в состояние *второго внимания*, но даже то, что такое состояние вообще существует.

Еще одним имеющим фундаментальное значение прорывом, о котором дон Хуан рассказывал мне самым подробным образом, было сделанное древними магами открытие того, что *точка сборки* очень легко смещается во время сна. Это открытие повлекло за собой еще одно: сны обусловлены смещением *точки сборки*. Маги древних времен *увидели*: чем значительнее сдвиг, тем более необычные сны видит человек, и наоборот, чем более необычные сны видит человек, тем значительнее сдвиг *точки сборки*. Дон Хуан рассказал, что эти наблюдения привели к разработке древними магами весьма экстравагантных приемов смещения *точки сборки*, таких, как употребление внутрь растений, вызывающих изменение состояния сознания, а также использование с этой целью состояний голода, крайней усталости и стрессовых ситуаций. Особое же внимание они уделили разработке практики управления снами. Тем самым, вероятно, даже не подозревая об этом, они создали метод, получивший впоследствии название *искусство сновидения*.

Однажды дон Хуан сформулировал наиболее адекватное с точки зрения магического искусства определение *сновидения*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.